

Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке)

© П. Е. Клобуков, 1998

Изучение отражения эмоций в языке до последнего времени не часто становилось предметом исследований лингвистов. Существовал корпус литературоведческих работ по языку эмоций в поэзии и драме, а также специальная психологическая литература, освещавшая связь языка, эмоции и сознания, однако анализ лексического значения слов, отражающих эмоции, проводился лишь спорадически и часто без должной методологической основы [9; 13].

Традиционно эмоции рассматривались наукой исключительно как чистые чувства, лишенные какой бы то ни было концептуальной структуры, значение же лексики эмоций считалось «размытым» или неразложимым, однако исследования последних десятилетий заставляют признать, что слова, принадлежащие к семантическому полю эмоций, напротив, обладают сложным, комплексным значением, требующим особого подхода и знаний не только о законах языка, но и о природе денотата [19].

Таким образом, чтобы узнать, каким образом эмоция как явление объективной действительности отражается в языке, мы должны в первую очередь исследовать основу существования и строения эмоции как внеязыкового феномена.

По своей природе эмоции — объект исследования многих дисциплин (психологии, психиатрии, антропологии, философии, лингвистики и др.), однако ни одна из них не может обойтись в исследованиях в данной области своими внутринаучными методами и так или иначе вынуждена прибегать к материалам и заключениям других наук. Эмоции являются, таким образом, своего рода точкой пересечения самых разных направлений научной мысли [15], где каждая из наук оказывается бессильна поступательно развиваться в одиночку и где интеграция знаний разной природы не только желательна, но фактически обязательна. Характерно, что необходимость объединения усилий и плодотворность взаимовлияния различных отраслей научного знания подчеркивал еще в начале века Леонард Блумфильд [8], и это было в то время, когда процесс разделения наук о человеке, к которым относится и лингвистика, еще не

привел к современной узкодисциплинарной специализации, а научные знания отличались достаточным синкретизмом.

Перед исследователем эмоций с неизбежностью встает ряд вопросов. Во-первых, необходимо определить, участвует ли сознание в “строительстве” эмоции или же это явление бессознательное; и если в создании эмоции есть место когниции, то в какой мере наш разум принимает участие в процессе воспроизведения переживания. Во-вторых, нужно ответить на вопрос о том, формируются ли эмоции в культуре отдельного народа или они универсальны и свойственны в равной мере каждому индивидууму независимо от среды его обитания. В-третьих, если мы принимаем эмоции в контексте явлений культуры, а не биологии, то мы должны определить, насколько верно мы можем понимать и интерпретировать другие культуры, или, говоря более узко, способны ли мы предложить правильную, научно обоснованную интерпретацию эмоций в другой культуре.

Относительно возможности понимания и интерпретации чужих культур существует несколько принципиально различных мнений. В соответствии с универсалистской позицией, биологическое и психическое сходство людей в разных культурах фактически нивелирует существующие частные различия и позволяет говорить об универсальности концептов. Релятивистская позиция (см. исследования представителей американской лингвистической антропологии Э. Сепира и Б. Уорфа) зиждется на том, что когнитивная категоризация в различных культурах происходит не на основе объективного осмысления естественного мира и не на базе универсальных возможностей сознания, а, напротив, вытекает из организации грамматического (а также лексического) строя отдельного языка. В соответствии с релятивистской позицией, таким образом, утверждается, что языки (а значит, и культуры) несопоставимы, не имеют никакой общей системы измерений, и поэтому не могут быть сравниваемы и интерпретируемы.

Сторонниками ограниченной релятивистской позиции, принятой в современной когнитивной антропологии, также высказывается утверждение о принципиальной разности культур, однако подчеркивается общность различных языков и культур во многих аспектах и универсальная основа психики человека. Таким образом, фокус исследования переносится на поиск первичных концептов — фундаментальных, универсальных основ, предшествующих разнообразным поверхностным проявлениям лингвистических и культурных систем, а также на изучение частных культурно обусловленных явлений [11].

При ответе на второй вопрос относительно универсальности / обусловленности эмоций можно выделить два основных подхода. Древнейший, которого придерживался еще Аристотель, зиждется на допущении, что эмоции универсальны, т. е. в равной мере присущи всем людям и вытекают из общей и единой природы человека, его неконтролируемой психики. Позднее такой подход, основанный на философских и естественно эмпирических наблюдениях, получил и сугубо научное подтверждение в исследованиях Ч. Дарвина [12], который изучал эмоции человека и животных, а также эмоциональную мимику и пришел к выводу, что эмоции «innate and derived through evolution from the lower animals» [9: 166].

Существует ряд аргументов в поддержку врожденной биологической природы эмоций. В частности, доказательство по методу исключения: поскольку мы часто не можем проследить обучение тому или иному эмоциональному поведению, мы предполагаем биологию как единственный мотиватор эмоции. Кроме того, многие эмоциональные состояния переживаются в разных обществах сходным образом, несмотря на различия культурного контекста и физических обстоятельств [9: 162].

Изучение эмоциональных переживаний в клинических условиях выявляет сходную физиологию, сопутствующую определенным эмоциям (температурные изменения кожного покрова, пульс, реакции глаза и т. д.) вне зависимости от этнической принадлежности участников эксперимента, что подтверждает биологическое, физиологическое начало эмоций.

Универсальность определенных эмоций прослеживается также и через характерное мимическое выражение у представителей разных народов и культур, что позволяет считать их запрограммированными на генетическом уровне, как врожденные рефлексy [16: 185].

На основании кросс-культурных исследований выражения лица, сопутствующего различным эмоциям, ученые констатировали набор шести базовых эмоций — эти эмоции считаются пан-культурными, по крайней мере с точки зрения «мимического выражения» (facial expressions). К ним относятся *anger* (гнев / злость / раздражение), *disgust* (отвращение / неприятие), *fear* (страх / ужас), *happiness* (счастье / радость), *sadness* (грусть / печаль), *surprise* (удивление) [9: 171]. Иногда к разряду базовых относят и эмоцию *contempt* (презрение / высокомерие), также имеющую специфическое выражение, узнаваемое в различных культурах.

На первый вопрос, поставленный нами (присущ ли эмоции когнитивный компонент), классические универсалисты отвечают отрицательно,

полностью исключая элемент сознания из эмоции. По мнению классической психологии, эмоциональная система обособлена от когнитивной — это самостоятельная система, которая не подчиняется сознанию и относится к сфере бессознательного, поэтому и эмоции непознаваемы, они существуют как данность, одинаковые у каждого человека, независимо от его принадлежности к тому или иному этносу.

Однако невозможно отрицать, что есть сложные эмоциональные выражения, культурно специфицированные, объединяющие разные эмоции, и они оказываются не так хорошо изучены, как фундаментальные [16: 185]. Ученые, утверждающие универсальность эмоций, считают, что в подобных случаях происходит некое «взаимодействие аффекта и когниции» (affect-cognition interaction).

Универсалисты настаивают также и на единой врожденной природе концепта личности (ego / person / self), принимая за основу западную модель с рядом принципиальных дихотомий, таких, как внутреннее / внешнее, мысль / чувство, общество / индивид, социальное / личное, тело / дух и т.д. Такой подход, с принятием в качестве базы научного аппарата западной (по сути — частной, одной из многих возможных) модели членения мира, ведет к общетеоретическим неточностям и заблуждениям, искаженному представлению о других культурах и неверной интерпретации различных явлений действительности, в частности эмоций¹.

Вместе с тем изучение незападных культур показывает возможность другого видения мира, другой когнитивной категоризации, отличной от того, что мы находим в нашей европейской традиции. Бесспорно существование систем, где эмоции так же, как и концепт личности как таковой, строятся по другим моделям, имеют другие принципы организации, функции и цели.

В изучении этого вопроса исследователи часто оказывались в известном смысле *blind to linguistic and cultural variation*, полагаясь на

¹ «... Many of the ethnopsychological categories and dichotomies with which Western cultures have been concerned are reflected directly in current academic discourse — psychological, anthropological and otherwise. The dichotomies include especially the sharp opposition of the individual to the social which is reflected in the existence of the separate disciplines of psychology and anthropology; the concern with a subjective versus objective reality evident in the distinction between ethnopsychology and psychology; the analytic separation of thought and action evident in the distinction between «competence» and «performance»...; the separation of the rational and cognitive from the irrational and emotional...; and, finally, the dimension that runs from the private to the public...» [20: 38]. А также см. [15; 22: 28 и далее].

английскую (русскую или немецкую) народную таксономию эмоциональных состояний как на объективный образец [15].

Академическая психология принимала в качестве составляющих объективного, универсального аппарата научного исследования (образца, модели) европейские термины, например английские обозначения эмоций (такие, как *fear, love, anger, disgust*), отражающие англо-американские этнопсихологические концепты². При наличии такой узкой культурной базы сложно предположить, что эти конкретные эмоции именно в том виде, как они определены, концептуализированы и переживаются в американском обществе, могут выступить в качестве универсалий. Однако именно так и стоял вопрос: различные исследования подтверждали или отвергали возможность сходного с западным чувства (например, *вины*) у представителей других культур, однако никогда не возникал вопрос о том, в какой степени, например, американец может испытывать полинезийскую эмоцию *popokl* («outrage over the failure of others to recognize one's claims») [20].

Сторонники другого подхода к освещению эмоций (свойственного представителям когнитивной антропологии) утверждают, что при наличии определенного числа фундаментальных эмоций, которые являются универсалиями, выделяется особый пласт культурных явлений — этно-специфицированные эмоции, которые являются культурными образованиями, они различны у разных народов, формируются внутри определенного социума, а не наследуются [15; 23: 160].

Другими словами, современный подход к эмоциям не отменяет полностью биологию как фактор формирования эмоций, универсальность эмоций (в понимании Дарвина) [16: 206 и далее]. Признается существование двух типов явлений, составляющих эмоцию, — чувство (*affect, feeling, passion*) и связанное с ним явление, которое обычно обозначается термином “сентимент” (*sentiment, emotion*). Чувства (они соотносятся с планом биологии) универсальны, внутренни, прерацио-

² Мы не имеем возможности в рамках настоящей статьи отдельно остановиться на вопросе отношения языка к культуре и сознанию, однако представляется необходимым кратко охарактеризовать это межсистемное единство. Культура понимается в настоящей работе как набор когнитивных схем (концептов), мотивирующих поведение членов социума, носителей данной культуры, к пониманию и интерпретации явлений материальной и социальной действительности. Язык является частью культуры и посредником между когнитивной системой и реальным миром: язык допускает действительность в сознание, сознание же, проводя категоризацию внешнего мира, мотивирует языковые формы. Каждая полнозначная лексема на уровне языка как знаковой системы соответствует отдельному концепту на уровне сознания, когнитивной системы.

нальны и иррациональны. Сентименты (или собственно эмоции) (результат внутрикультурного развития) характеризуются признаками специфичности, приобретенности, рациональности и культурной обусловленности. Таким образом, признается ряд прототипических аффектов, на которые как на базу настраиваются культурно определяемые эмоции.

Чувства выступают как основа определенных состояний, однако сентимент — культурная надстройка — реализуется в языке и сознании определенного общества.

Представляется возможным и плодотворным изучать эмоции в качестве культурно определяемых элементов социальной реальности, абстрагировавшись от вопроса об их биологической основе и общечеловеческой сущности аффекта [18]. Отражение в языке именно эмоции, а не чувства и является предметом исследования лингвиста: для филологии представляет интерес определение сложной когнитивной структуры, сложных взаимовлияний и взаимоотношений различных культурных концептов, их лексическая реализация и семантическая мотивированность. Чувства же, как генетически наследуемые реакции организма, инстинкты, лишённые когнитивного компонента, должны изучаться биологией.

Из сказанного выше следует, что эмоция по своей структуре предполагает как внутреннюю часть, исходящую из биологии, так и внешнюю, обусловленную идеологией; и если первая заставляет нас предположить автономность переживания, ограниченного только личностью «его», вторая заставляет нас обращаться к социальному, приходящему извне.

Однако противопоставление внутреннее-внешнее имеет смысл только в культуре, где личность противопоставляется социуму. В культуре же, где сама личность определяется через социум и отношения с ним, такая дихотомия теряет смысл, и эмоциональный концепт имеет структуру принципиально отличную от традиционной западной [17].

Сложность проблемы состоит еще и в том, что сам феномен эмоции подразумевает и субъективность, и объективность. Внутреннее состояние вызывается чем-то «извне», часто другим субъектом, то есть потенциально присутствует интересубъективность как семантическая валентность [17; 18: 16-17].

Таким образом, изучение лексики, отражающей эмоции, особенно исследования на материале неродного языка, представляющего культуру общества, отличную от культуры исследователя, является делом очень

сложным и требующим особой компетенции не только в области языкознания, но и в когнитивной науке, антропологии и даже биологии.

Изучение эмоциональной лексики древних языков сопряжено с рядом дополнительных трудностей, ибо исследователь оказывается не только вне культуры изучаемого языка, он отделен от нее временем, т. е. не может опытным путем проверить правильность своих заключений и вынужден ограничиваться гипотезами на основании изучения мертвых текстов как памятников естественной речи.

Данные этимологии и анализ структуры значения древнего слова позволяют сделать некоторые выводы относительно менталитета древних народов [6: 333; 7: 268-269; 1; 2; 3; 4]. При этом мы обнаруживаем, что значение древней лексики, составлявшей семантическое поле эмоций, отличалось своеобразным семантическим синкретизмом и не знало многих наших дихотомий: одно и то же слово могло одновременно обозначать как 'страх', так и источник страха — 'опасность'; как 'печаль', так и ее источник — 'неблагоприятную ситуацию, состояние'; как 'гнев', так и последующие действия, вызываемые им, — 'месть, вражду'.

Современные европейские языки также сталкиваются с ситуациями, когда одна и та же лексическая форма служит для обозначения нескольких явлений действительности, отражая события как внутреннего, так и внешнего мира. Однако в отличие от современной полисемии, т. е. наличия нескольких обособленных значений, закрепленных за одной формой, для языка древнего периода предполагается возможность объединения в одном значении нескольких компонентов разной природы и комплексного отражения ситуации эмоциональности в социально-физическом контексте, что не наблюдается в современных европейских языках. Ср: др.-англ. *hete, nið, gewinn* 'ненависть (чувство)' + 'война, борьба (действие)'; однако рус. *несчастье* — всегда ситуация, событие, а *печаль* — всегда чувство, переживание, вместе с тем *горе* — 1) чувство (*От горя вся почернела...*); 2) событие (*Когда с ней случилось это горе...*).

Выводы о структуре значения древнего слова, хотя они могут быть в высшей степени убедительны, всегда базируются на материале дошедших до нас текстов, количество которых, к сожалению, невелико. Кроме того, сохранившийся материал представлен обычно ограниченным числом жанров, что накладывает свой отпечаток на употребление лексем и часто не позволяет исследователю провести объективный анализ естественного функционирования слова в языке.

Изучение особенностей словоупотребления в живых языках, анализ реальных случаев использования слова носителем в естественной речи, возможность практической проверки гипотезы в языковой среде делают выводы исследователя более доказательными. Данные лингвистов и антропологов, изучающих языки и культуры современных бесписьменных народов, предоставляют богатый материал для общей этнографии и типологической лингвистики. Небезынтересным, в частности, может оказаться сопоставление фактов из языков современных аборигенов и древних индоевропейцев. Данные, полученные в результате изучения указанного материала, некоторые типологические особенности, обнаруженные в языке наших современников, могли бы быть использованы историком языка как косвенный, вспомогательный материал для лучшего понимания менталитета и языковой системы человека древнего.

Слово *alofa* 'compassion, empathy, pity, love' из языка Самоа, помимо чувства, обязательно предполагает физическое действие, конкретную помощь, поддержку и концентрирует свое значение не на степени близости между участниками ситуации, интимности их отношений друг с другом, а на культурной норме взаимных обязательств, то есть определяет в первую очередь некие социальные отношения, а не внутренние чувства [14: 145]. Сходная структура значения обнаруживается и у слова *pikaringanyi* из языка аборигенов Западной Пустыни в Австралии [15: 269 и далее]: наряду с компонентом, представляющим чувство гнева, значение содержит также вызываемое этим состоянием желание вступить в бой, готовность к драке, мотивирующую к конкретному действию потребность наказать источник негативной эмоции, другими словами, в значении одной лексемы есть как эмоциональный компонент, так и компонент физического действия, вызванного эмоцией.

Язык Ифалук, на котором говорит малый народ на островах Тихого океана, представляет характерную картину концепта личности, отличную от западной модели [20]. Ифалук не проводит четкого разделения между физическим телом и внутренней, ментально-эмоциональной системой: слово *niferash*, которое может быть переведено как 'наше внутреннее', выступает и как обозначение внутренних органов человека, и как вместилище и источник всех мыслей и чувств индивида — это наиболее общий термин в описании его, используется в контексте как физиологических, так и психических структур и функций. Семантика названного слова включает в себя мысли, чувства, желания, потребности, болезни и физические ощущения. Фраза «*иметь плохой niferash*» может

означать как физиологические чувства, так и эмоциональное состояние (ср. рус. *я так ужасно себя чувствую, мне так нехорошо*, англ. *I feel so bad*). Этот язык не отражает эмоциональность как обособленный концепт — она представлена двумя лексемами, где оказывается в неразделимом единстве с другими проявлениями внутреннего мира. Основа *tip-* — охватывает понятия 'will / emotion / desire', т. е. воля, эмоциональность, желания; за этим словом закрепляется набор психо-физиологических процессов, ограниченных частным внутренним миром, не зависимых напрямую от социума, исходящих из индивидуальной, личностной, неконтролируемой части *niferash*. Основа *niniwan* покрывает поле 'thought / emotion' — осмысление, эмоциональность — и предполагает социальную зрелость, ответственность перед обществом, соответствие моральным нормам культуры коллектива, к которому принадлежит индивид. Другими словами, деление внутреннего мира проходит не по системе эмоциональное — ментальное — физиологическое, оно социально ориентировано и выделяет как маркирующую характеристику наличие / отсутствие связи процесса с нормами культуры общества.

В целом можно говорить о том, что внутренние процессы получают свое значение через связь с процессами социальными. Психическое явление не отрицается как факт, заменяясь социальным, но и не получает своего значения за пределами социального. Выражение «мыслей / чувств» допускается и поощряется, однако не для реализации «его» и не как самодостаточная манифестация частного «я», а как естественный сопутствующий элемент внешнего события (физического или социального процесса). Подобное определение себя через общество находит отражение и на уровне грамматики: даже сугубо индивидуальные чувства, не говоря уже о физических действиях, обычно выражаются посредством форм 1 лица мн. ч. — в языке Ифалук естественнее будет звучать «*мы обеспокоены*» или «*мы собираемся за водой*», что объясняется желанием избежать выделения, обособления себя от общества, возможного подозрения говорящего в эгоцентризме.

Нужно отметить, что отличия от традиционной западной модели эмоции и личности часто наблюдаются и в народной культуре обществ, не отделенных от современной западной цивилизации географически или во времени. Так, лингвистический анализ сказок этнической общности La Llogona в испаноязычных деревнях Мексики показывает явное сближение по многим аспектам системы эмоций с соответствующими системами примитивных островных культур [21]. Используемое в названных сказках слово *pena* совмещает в своем значении как указание на чувство стыда,

смущения и на обязательную презумпцию конкретных действий со стороны другого лица, которые вызывают эту эмоцию, а также действий субъекта состояния как реакцию на эмоцию — т. е. социальный и физический контекст эмоциональной ситуации выступает как часть значения лексемы, обозначающей эмоцию. Анализ строения сказки как текста показывает отсутствие особого внимания в культуре La Llorona к эмоции как таковой. Слово *repa*, которое предполагает употребление в контексте «социальное событие > внутренняя эмоция > действие как реакция на эмоцию», может опускаться в тексте повествования, что приводит к формальному выражению ситуации «событие > действие», где эмоция *repa* как среднее звено, связанное с событием и мотивирующее действие, выпадает. Лексикон эмоций, представленных в La Llorona, в целом ограничивается всего несколькими словами, несмотря на широкий круг явлений и наличие ряда потенциально эмоциональных ситуаций, описываемых в сказках, что также говорит об определенно сниженном интересе этой культуры к эмоциям.

Изучение лексикона эмоций в культурах разных народов показывает его определенные типологические особенности. Так, некоторые слова эмоций способны полнее выражать первичные врожденные аффекты, чем другие, более культурно обоснованные, т. е. содержат в своем лексическом значении компонент, отражающий прототипический аффект в большей степени, чем другие, при этом дополнительные когнитивно-оценочные маркеры отходят на периферию значения таких лексем. Большинство же лексем, формирующих ЛСП эмоции, закреплены за определенными культурными сценариями, «they arise to express the specific feelings associated with certain narrowly stereotyped events» [14:129]. В тех полях, где прототипом эмоции является некий врожденный биологический аффект, можно ожидать формирование определенной радиальной структуры вокруг скрытого прототипа, при этом наблюдать однотипные для разных культур элементы содержания и даже принципы формирования значений, которые можно признать универсальными [14: 142; 15: 269; 19].

Однако отношения между основным аффектом и его культурно стандартизированным вербальным выражением очень сложны, поскольку любое выражение проходит через социальный процесс определения и уточнения (*definition and refinement*), ни одно из выражений не может напрямую и однозначно обозначать исходный аффект. Напротив, все культурно определенные эмоции в некоем наборе связанных (родственных) концептов должны приблизительно соответствовать друг другу и

совместно формировать исходный психологический образец (модель), который в чистом виде, возможно, никогда не испытывается в реальной жизни и не выражается в языке.

Нужно отметить также, что в конкретной культуре может реализовываться определенный эмоциональный концепт, который не активизирует ни один из врожденных образцов [14: 130-143].

Разные культуры могут реализовывать различные элементы содержания в эмоциональных концептах, а также не иметь специальных терминов для тех или иных эмоциональных состояний, даже если индивид, принадлежащий к данному культурному сообществу, в действительности переживает какие-то «внутренние» процессы. Как происходит категоризация мира и какие моменты действительности становятся семантическими ключами в конкретных лексических и грамматических формах, зависит от общей культурной ориентации общества. Например, жители Самоа имеют небогатый самостоятельный лексикон внутреннего мира, и их концентрация на социальном полюсе эмоции может рассматриваться как культурно обусловленное относительное (выборочное) внимание. Очевидно, физиологические ощущения, сопутствующие базовым эмоциям, в равной мере испытываются и отмечаются членами этого общества, однако игнорируются как значимые, тогда как социальные и внешние атрибуты эмоциональности в высшей степени активно разрабатываются в их языке и культуре [14]. Другими словами, можно говорить о «cultural specificity and situatedness of emotion» [17].

Контрастивные исследования эмоций также показали, что разные культуры по-разному относятся к различным эмоциям, наделяя переживания и проявления отдельных эмоций социальной коннотацией, что влияет на воспитание и социализацию, а это, в свою очередь, — на систему представлений о мире, социальную организацию и семантическое воплощение тех или иных элементов в структуре значения эмоциональной лексики [16]. Выражение эмоций в поведении и мимике не является безусловным и универсальным фактом. Здесь самую активную роль играет социальное воспитание, выступающее как общая культурная норма, предписывающая соответствующий культурно приемлемый сценарий. Культура закрепляет систему правил, ориентируясь по которым индивид может испытывать и демонстрировать социально приемлемые эмоции в определенном контексте. Эмоции в культурно детерминированной системе могут иметь ряд коммуникативных функций,

что также отражается в значении терминов и условиях их функционирования.

Другая проблема, возникающая в ходе сравнения эмоциональных концептов разных культур, состоит в том, что один и тот же факт социальной действительности не обязательно ведет к возникновению сходной эмоции у представителей разных этносов, поэтому идентификация раздражителя и контекста не всегда означает идентификацию эмоции [9].

Помимо изучения западных и древних культур как источника информации о типах строения поля эмоций и способах организации значения отдельных лексем, обозначающих эмоции, важные сведения относительно типологии процессов отражения эмоциональности в языке мы можем получить и через изучение средств образной выразительности современных европейских языков, через исследование метафоры и метонимии в языке как принципиальной модели формирования абстрактного значения.

Перенос значения по модели от физического процесса / состояния к внутреннему особенно часто встречается в лексико-семантических группах, обслуживающих поле эмоциональности, что, возможно, связано с физиологическими проявлениями некоторых базовых аффектов, наследуемых человеком на генетическом уровне [13; 16].

Анализ выражений некоторых эмоциональных состояний в различных европейских языках, представляющих разные языковые семьи, демонстрирует ряд устойчивых ассоциативных переносов [19; 5], которые сходным образом реализуют определенные модели формирования значения эмоциональности в естественной речи. Исследуемый материал позволяет вывести формулу общего метонимического переноса — «Физиологические проявления эмоции выступают как обозначение эмоции» (ср. рус. *затрепетать*, *оцепенеть* вместо *бояться*; *вскипеть*, *взбеситься* вместо *разозлиться*; *помрачнеть*, *поникнуть* вместо *опечалиться*; англ. *trembling, quaking, freezing with terror; boiling, burning with anger, go mad with fury; his eyes grew dark*).

Изучение лексики эмоций в диахроническом аспекте также показывает, что обнаруженные на синхронном материале концептуальные метафоры являются мотиватором изменения значения слова в истории языка по принципу «физиологические ощущения → внутреннее состояние», и лексическое значение слов, отражающих эмоции, возникает путем семантического развития от конкретных физических процессов к абстрактным внутренним, при этом двигателем такого процесса служат

физиологические переживания, сопровождающие эмоцию [10: 1084-1197; 5: 45 — 47].

Исследование языка эмоций в разных культурах и анализ способов формирования значения эмоциональности показывает ряд основополагающих особенностей, которые могут быть использованы как ориентиры для комплексного изучения этого материала как в современном языке, так и в истории языка. Принципиальным моментом в исследовании лексики эмоций становится признание культурной обусловленности эмоциональных концептов, которая вытекает из частного характера категоризации действительности, при этом биологическая основа некоторых прототипических аффектов предполагает универсальность моделей формирования определенных концептов через метафорический и метонимический перенос и сходные процессы построения и изменения лексического значения по принципу «физические процессы > внутреннее состояние».

Подводя итог, мы можем констатировать следующие принципиальные характеристики семантического поля эмоций:

- возможность существования лексем, отражающих «сложную» эмоцию, содержащих в своем значении комплекс эмоционально-оценочных компонентов в том наборе и виде, в каком это не встречается в другом языке, и, напротив, возможность отсутствия в языке лексем, отражающих даже базовые аффекты как самостоятельный, обособленный концепт;

- факультативность дихотомизации внутреннее / внешнее, психическое / физическое, разум / чувство, физическое действие / эмоциональное переживание, индивидуальное / социальное и возможность включения социально-физического контекста эмоциональной ситуации как части значения лексемы семантического поля эмоций;

- факультативность социальной (внешней) коннотации, культурно детерминированной оценки, отношения к переживанию и проявлению эмоции, закрепленного в значении лексемы, а также отражение в значении лексемы возможных специфических коммуникативных и социальных функций, риторики и ритуала;

- универсальный принцип формирования языка эмоций через метафору и метонимию, мотивированную физиологическими процессами, сопровождающими состояния базовых эмоций.

Выделенные принципы организации лексикона эмоций подтверждают наблюдения относительно вероятной структуры значения древнего слова, они могут служить также концептуальным аппаратом изучения семантики современного языка и исследований в области этимологии.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Гвоздецкая Н. Ю.* К проблеме многозначности имен чувств в Старшей Эдде // Скандинавский сборник XXXIII. Таллинн, 1990.
- [2] *Гвоздецкая Н. Ю.* Субъективный и объективный компоненты в древнеанглийских наименованиях горя (к проблеме контрастивного изучения многозначности слова в диахронии) // Диахроническая контрастивность германских языков. Тверь, 1991.
- [3] *Гвоздецкая Н. Ю.* Язык и стиль древнеанглийской поэзии (проблемы поэтической номинации). Иваново, 1995.
- [4] *Дьяконов И. М.* Люди города Ура. М., 1990.
- [5] *Клобуков П. Е.* Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 2.
- [6] *Потебня А. А.* Об изменении значения и заменах существительного // *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.
- [7] *Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.-Л., 1953.
- [8] *Bloomfield Leonard.* On Recent Work on General Linguistics // *Modern Philology.* V. 25. Chicago, 1927-1928.
- [9] *Boucher Jerry D.* Culture and Emotion // *Perspectives on Cross-Cultural Psychology* / Ed. *A. J. Marsella et al.* NY — SF — London, 1979.
- [10] *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949.
- [11] *Casson R.W.* Cognitive anthropology // *Psychological Anthropology* / Ed. *Philip K. Bock.* Praeger — Westport — Connecticut — London, 1994.
- [12] *Darwin Ch.* The expression of the emotions in man and animals. London, 1872.
- [13] *Davitz Joel R.* The Language of Emotion. NY-London, 1969.
- [14] *Gerber Eleanor Ruth.* Rage and Obligation: Samoan Emotion in Conflict // *Person, Self and Experience* / Ed. *Geoffrey M. White and John Kirkpatrick.* Berkeley — LA — London, 1985.
- [15] *Goddard Cliff.* Anger in the Western Desert: A Case in the Cross-Cultural Semantics of Emotion // *Man.* V. 26, 1991.
- [16] *Izard Carroll E.* Cross-Cultural Perspectives on Emotion and Emotion Communication // *Handbook of Cross-Cultural Psychology.* V. 3: Basic Processes. Boston — London — Sydney — Toronto, 1980.
- [17] *Jenkins J. H.* The psychocultural study of emotion and mental disorder // *Psychological Anthropology* / Ed. *Philip K. Bock.* Praeger — Westport — Connecticut — London, 1994.
- [18] *Kirkpatrick J. & White G. M.* Exploring Ethnopsychologies // *Person, Self and Experience* / Ed. *Geoffrey M. White and John Kirkpatrick.* Berkeley — LA — London, 1985.
- [19] *Lakoff G. & Kovecses Z.* The cognitive model of anger inherent in American English // *Cultural Models in Language and Thought* / Ed. *Dorothy Holland and Naomi Quinn.* Cambridge — NY — Sydney, 1987
- [20] *Lutz Catherine.* Ethnopsychology Compared to What? Explaining Behavior and Consciousness Among the Ifaluk // *Person, Self and Experience* / Ed. *Geoffrey M. White and John Kirkpatrick.* Berkeley — LA — London, 1985.
- [21] *Mathews Holly F.* The directive force of morality tales in a Mexican community // *Human Motives and Cultural Models.* Cambridge University Press, 1992.
- [22] *White Geoffrey M.* Ethnopsychology // *New Directions in Psychological Anthropology.* Cambridge, 1992.
- [23] *Wortman Carol M.* Cupid and Psyche. Investigative Syncretism in Biological and Psychological Anthropology // *New Directions in Psychological Anthropology.* Cambridge, 1992.